

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1944 г.

№ 4—5

Год издания XXI

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
АНТОН БЕЛЕВИЧ — Мой голубь, поэма. Перевод с белорусского Дмитрия Осина	2
С. МАРШАК — Двенадцать месяцев, драматическая сказка	10
АЛИШЕР НАВОИ — Лейли и Меджнун, глава из поэмы. Перевод Семена Липкина	38
КОНСТ. ФЕДИН — Свидание с Ленинградом, записки 1944 года	41
ВЕРА ПОТАПОВА — Приснись ему, стихотворение	53
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Пушки выдвигают, исторический роман. Продолжение	54
ГУРГЕН БОРЯН — Камни безмолвные, стихотворение. Перевод с армянского Бориса Серебрякова	96
И. ЕФРЕМОВ — Семь румбов, научно-фантастические рассказы	97
ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ — Возвращение, черноморская легенда	137
ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ — Стихотворения	144
П. К. ИГНАТОВ — Записки партизана	146
<hr/>	
К сорокалетию со дня смерти великого русского писателя Антон Павлович Чехов	
В. ЕРМИЛОВ — А. П. Чехов, творческий портрет	195
Неопубликованное письмо А. П. Чехова	217
<hr/>	
А. МАКАРОВ — «Емельян Пугачев»	218
В. ЩЕРБИНА — «Морская душа», заметки о творчестве Л. Соболева	224

БИБЛИОГРАФИЯ

М. НАДЕЖДИНА — Рассказы К. Тренева	241
С. ШТРАЙХ — Библиотека имени В. И. Ленина — хранилище культуры	243

БИБЛИОГРАФИЯ

РАССКАЗЫ К. ТРЕНЕВА*

★

Однотомник К. Тренева составлен из его донских, преимущественно, рассказов и пьесы «Любовь Яровая». Наиболее ранняя дата рассказов относится к 1909 году, позднейшая к 1934 г. Отсутствие динамически развивающегося сюжета в рассказах давало повод писать об их бессюжетности, называть их очерками. Вопрос об определении жанра здесь имеет узко формальное значение. Существенно то, что в донских рассказах, несмотря на отсутствие напряженного действия, показаны с большой зоркостью и умением разнообразные человеческие характеры, картина дореволюционной России. Пластичность и реальность человеческих образов у Тренева сопутствует углубленному способу видеть мир. Трениев рассказал в автобиографии о своей манере работать: «Пока я не изваяю образ, пока он не встанет передо мною с такой ясностью — зрительной и слуховой, — что нет различия между реальным и воображаемым, я не могу переносить его на бумагу». Трениев тяготеет к большим жанровым картинам, к крупным мазкам, к чистым и простым тонам. Художественная конкретность, присущая Трениеву, распространяется и на беглую зарисовку, иногда на какую-нибудь подробность в обстоятельно и медлительно выписанной картине старой России, которая развернута в его лучших рассказах.

На ярмарке поет квартет слепцов. «Все грубые звуки ярмарочной суеты... мягко тонут в его широком, стройном потоке:

Ой, тяжело мне душе с телом расставатися,
До Христа на суд зъявлятися,
Бо великий грех душа творила,
Не по правде святу землю делала
Да чужую ниву душа закосила.

(«На ярмарке», 1912)

Описание квартета слепцов и песня только деталь в общей картине, но она освещена особым смыслом: мотив несправедного дележа земли — это лейтмотив рассказа «На ярмарке». Впрочем, его можно расслышать во всех расска-

зах Тренева. «В Ярмарке» словно сосредоточена вся тяжесть крестьянской жизни в царской России: произвол купцов, опекаемых полицией, которые скупают зерно за бесценок у крестьян, все виды обмана и насилия, применяемого чиновниками, полицией, правящими тунеядцами. Рассказ кончается взрывом народного возмущения. Так разрешается здесь тема несправедного дележа земель.

В рассказе «На ярмарке» нет фабулы — в строгом смысле этого слова, нет борющихся и развивающихся по ходу действия героев. Главный герой рассказа — народная толпа. Но Трениев умеет в массовой жанровой картине найти и осветить нужный образ, раскрыть его характерность, иногда сделать его художественным обобщением. Например, в колоритном образе Ожрима, в «неуклюжей душе» которого живет огромная, но приглушенная народная сила, есть черты детские. Черты большого ребенка, которого легко обмануть, есть и в доверчивом, комически общительном деду Терешке.

Те же мотивы слышны и в рассказе «Затерянная криница». Существуют две «нивы»: огромное поместье, которое охраняет от крестьян верховой черкес; с арапником, а рядом с поместьем — крестьянские земли, сожженные засухой. «От хутора до самого горизонта узкой полосой тянулось крестьянское поле, с обеих сторон сдвинутое морем волнующихся панских нив; порезанное на сотни желтобурых, зеленых четырехугольничков-наделов, поле казалось все в заплатах, как старая мужичья свитка, как то сказочное крестьянское горе».

Чтобы спастись от голодной смерти, крестьяне прибегают к последнему средству — розыскам «чудодейственной криницы». По преданию, если расчислить эту криницу, — прольется дождь. Розыски напрасны, детская вера рухнула: «бесследно где-то затерялось на земле то место, за которое небо пощадило бы землю».

Издательство помещичьих слуг вызывает крестьянский бунт. Горит поместье, Земля встала: «не дождавшись от неба дождевых туч, подняла к нему горячие черные тучи».

* К. Трениев. Избранное. «Советский писатель». М. 1943 г.

Тренев раскрывает собственническую жадность в образах «куркулей» — деда Качки и его сына Сереги («Мокрая балка»). Жадность к земле, земле «такой, что есть хочется», — по выражению Сереги, — принимает характер одержимости. Законопослушный и верноподданный Серега восстает против закона, идет на бунт, когда царский закон отнимает у него землю для попа-торгаша.

Хозяевам деревенской жизни — «куркулям», лавочнику, сотскому, священнику, — Тренев противопоставляет кучку людей, не принимающих такую жизнь. Наиболее сознательно это неприятие у бедняка Бадая. Он объездил с семьей всю Россию в поисках «лучшей жизни», и у него свои взгляды на закон земной и закон небесный. Его жизнь — воплощение «крестьянского горя». Когда его спрашивают, почему он семь лет не говел, он отвечает: «Я, братуха, каждый день с семьей говею. У бога каждый день праздник, а у Бадая каждый день пост. В четвертом годе, как зазимовал я в оренбургском степу с одним мешком муки, к рождеству двое деток с голодухи и помри... Схоронил я их в снегу. Жинка голосит, да до снегу припадает, как та чайка при битой дороге, а я говорю: разговяйтесь же, детки, там — у бога за столом, а мы тут обждем».

Но этот будущий бунтарь погибает случайной и бессмысленной смертью. Навянный мечтатель, так же не приемлющий действительность, художник Чекалка за «неблагонадежность» попадает в тюрьму по доносу Сереги, который мстит Чекалке за уход к нему Ганны.

Ганна (для нее представление о воле связано с любовью к Чекалке) только смутно чувствует несправедливость жизни: «Почему это все святое лежит спряганное под землей да запечатанное, — думает она, слушая рассказы о святых модах, — а злое по земле гуляет и никто его не спрячет и не запечатает?»

К той же группе слабых, смутно еще протестующих против несправедливости людей, принадлежит и брат Сереги — Тихон. Для него воля выражается в стремлении к христианской благодати.

Но Ганна и Тихон получают освобождение, возможность уйти из семьи только после ее распада, когда настоящий глава семьи — Серега — попадает в тюрьму за «бунт» — за отказ признать священника хозяином земли.

И Чекалка, и Ганна, и Тихон — мечтатели, уходящие от действительности в мир поэзии и праведности; каждый из них понимает его по-своему, для каждого из них он равно недостижим.

С большим искусством и силой показал Тренев жизнь русской дореволюционной деревни: ее социальную структуру, быт и внутренний мир. Тренев писал о себе: «Изображаю только то, что хорошо знаю». В большой мере именно глубокое знание делает столь убедительными образы Тренева, диалог, описания. Особенно радует чистый, простой и гибкий русский язык. Радует и ощущение того, что в рассказах Тренева, в творчестве нашего современника — совет-

ского писателя, ощутима преемственность русского классического реализма.

Однако сборник избранных сочинений Тренева был бы не полон без его сатир. Изображая преимущественно русский уездный город, Тренев почти всегда возвращается к нескольким типам, характерным для всей царской России. Это лавочник, чиновник, полицейский. Тренев разнообразит и индивидуализирует представителей этих социальных категорий, и все же можно говорить о каком-то обобщающем типе. Лавочники Кузя Федотович из «Мокрой балки» и Быкадоров из рассказа «По тихой воде» различны и в то же время как бы дополняют друг друга.

Острее всего противоречие между паразитирующими «столпами общества» и народом раскрыто в рассказе из эпохи империалистической войны 1914—1918 г. «По тихой воде». Разница между подлинным защитником родины и мелкими хищниками и туеядцами раскрывается в противопоставлении: раненому казаку Янушкину, третьепалубному пассажиру шкурников и обывателей — пассажиров первого класса, мирно играющих в преферанс и злословящих. В негодовании казаков, едущих на пароходе, которые пребывают от капитана, чтобы он высадил компанию преферансистов, оскорбивших раненого, в этом негодовании уже чувствуется нарастание социального протеста.

В сатирическом, почти протесном (протес вообще мало свойствен Треневу) рассказе «Заблудились» лицемерие и подлость разоблачают себя перед лицом близкой смерти. Землевладелец Косенко и отец Емельян, попав в метель, считают себя погибшими. Они теряют власть над собой и занимаются самоублачением.

Но самый блестящий образец треневской сатиры — это «Самсон Глечик». Фигура учителя городского училища Глечика, мракобеса и карьериста, который запугивает и шантажирует окружающих доносами и шпионством, — этот страшный и гнусный образ ничтожества, упивающегося властью, сделан с подлинным мастерством.

Донские рассказы Тренева насыщены большим материалом, которого с избытком хватило бы не на одно большое эпическое произведение.

Из произведений, написанных после Октябрьской революции, напечатано несколько рассказов и пьеса «Любовь Яровая». Рассказы эти тоже можно отнести к сатире. Они написаны в годы коллективизации, когда крестьянские земли перестали переходить на «заплатанную крестьянскую свитку», превратившись в единый цветущий массив. Коллективизация была продолжением борьбы за справедливое и разумное отношение человека к земле. Она положила конец власти земли — собственности над человеком. Но еще оставались люди, сохранившие старое, собственническое отношение к земле. В своих рассказах Тренев обнажает сущность приспособленцев и собственников, пытающихся извлечь для себя выгоду в любом положении.

В сборнике избранных произведений Тренева

особенно рельефно выступает рассказ, сам по себе мастерски написанный, который сегодня звучит по-новому сильно. Это рассказ «Здесь жил Антон Чехов» о... немцах.

В 1934 г. Тренев посетил курорт Баденвейлер в Шварцвальде, где скончался А. П. Чехов. Результатом этого посещения явился упомянутый рассказ, в котором продолжается традиция русских писателей, писавших о Германии. Широкая и свободная от канонических литературных приемов, ясная и острая, не чуждающаяся публицистики и иронии, манера писать Тренева в этом рассказе в некоторых мест напоминает очерки Герцена о Западе.

Два мотива объединены, как в фокусе, освещающем идейный и политический смысл рассказа. В июле 1914 г., за двадцать лет до приезда Тренева, в печальное десятилетие со дня смерти Чехова, «его друзьями, во главе с врачом, на руках которого умер Чехов, прибитая над окном отеля дощечка с надписью на немецком языке «здесь жил писатель Антон Чехов в июле 1904 г.» Если бы только — жила... он здесь умер. Но этого слова нельзя писать на курорте, да еще на стене коммерческого отеля. Тогда же и теми же почитателями Чехова был поставлен в парке бронзовый бюст Антона Павловича, а через двадцать дней вспыхнул пожар мировой войны и добрые баденвейлерские патриоты поспешили бросить в огонь чеховский бюст, перелав его на пушку».

В эти же дни безработный и многосемейный Франц Шредер совершил незначительную кражу. Он был осужден на восемнадцать лет каторги. За «благонравное поведение» его должны были освободить досрочно через десять лет. Но баденвейлерские граждане (все те же истонемецкие патриоты) обратились с петицией «по началству». Они умоляли не освобождать преждевременно Франца: «Преступник вернется в среду честных людей, скомпрометирует курорт, и это расорит неповинных граждан». Петиция была уважена: Шредер отсидел на каторге восемнадцать лет. И так как, вернувшись в Баденвейлер, он отказался покинуть город требованию баденвейлерских лавочников и содержателей отелей, то его с семьей подвергли бойкоту, карой молчанием. Автор застал эту семью в Баденвейлере на положении «немых граждан».

Так с двух сторон показывает Тренев физиономию «исного немца», с удивительной стойкостью сохраняющую свое тупое кровожадное выражение от времен Фисмарка до Гитлера, до

наших дней. Животные той же породы, что и «баденвейлерские патриоты», бросившие в огонь чеховский бюст в 1914 г., изуродовали таганрогский домик Чехова в 1941 г.

В рассказе «Здесь жил Антон Чехов» с тонкой пронизательностью и иронией показано гнездо фашизма. В то же время дыхание Чехова, присутствующее в рассказе, в авторских ремарках, в оценках автора, наблюдениях и стиле, напоминает о благородстве, широте и гуманности русской культуры.

Те же традиции живут и в одной из популярнейших советских пьес — «Любовь Яровая». Черты благородства в героине пьесы исторически преемственные, наследственные черты. Участница Октябрьской революции Яровая — наследница той русской демократической интеллигенции, к которой принадлежит и сам автор и у которой всегда был один путь с народом, общие с ним задачи. Ничто не может оттолкнуть Яровую от народа. Она так же естественна, чиста и пряма в своей общественной деятельности, как и в личных отношениях. В этом одна из причин успеха этого образа у артистов и у зрителей.

Однотомник избранных сочинений Тренева бесспорно составлен удачно. Книга дает представление о Треневе-художнике. В своем кратком введении, где удается историческая характеристика Дона, Тренев рассказывает о поисках народом на Дону земли и воли, воли и правды, свободы и счастья. К. Тренев пишет: «Я глубоко и на всю жизнь люблю свою родину — Дон, где я провел детство, юность и зрелые годы... Должно быть, Дон стоит такой любви...» Чувства любви и ненависти живут в прекрасных рассказах Тренева. Любовь к родине с ее великой культурой будит ненависть к осквернителям родной земли. И было бы неправильно и со стороны автора, и со стороны критики сводить творчество Тренева только к донской теме. Дореволюционная донщина с ее характерным укладом, нравы и язык донского крестьянства и казачества в изображении Тренева сохраняют значение образной исторической характеристики и сейчас. Но широта и разносторонность, с какой разработана автором тема, далеко выводят произведение за рамки «областной» литературы. «Избранное» Тренева — весомое доказательство огромных и разнообразных возможностей советской литературы,

М. Надеждина